

СЕПАРАТИЗМ В ЕВРОПЕ. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

На рубеже XXI века человечество столкнулось с двумя разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, это процессы глобализации под воздействием научно-технической революции, с другой – стремление к культурному и национальному своеобразию, стремление сохранить национальную и региональную идентичность и даже стремление к сепаратизму. Проявлением первой тенденции являются примеры региональной и всемирной интеграции, наиболее интенсивно проявляющиеся в экономической и политической сферах (НАФТА в Северной Америке, АТЭС, ЕС на европейском континенте). Вторая тенденция представлена также широко на всех континентах (Квебек в Канаде, этнорелигиозный сепаратизм в Индии, Индонезии, Китае), но наиболее яркий пример – это, конечно же, распад блока стран Восточной Европы и Советского Союза.

Во времена блокового противостояния периода «холодной войны» проблемы межнациональных отношений во всем их разнообразии (прав национальных меньшинств, языков, межконфессионального противостояния) были отодвинуты на второй план необходимостью сплоченности западных стран перед лицом коммунистической угрозы. Кроме того, лидер западного мира – США – был заинтересован в сохранении территориальной целостности стран-участниц НАТО.

Но ситуация изменилась: казалось бы, на века образованный блок восточноевропейских стран, в одночасье развалился. Причем последствия этого развала самым серьезным образом отразились на целостности самих стран-участниц блока: в 1991 году развалилась мощнейшая сверхдержава СССР, в 1992 году «образцовым бракоразводным процессом» завершилось существование Чехословацкого государства, кровавой войной начала 1990-х годов распалась Югославия. На фоне развала восточноевропейских государств Западная Европа, наоборот, продемонстрировала пример интеграции: сначала была восстановлена целостность германского государства, чуть позже – принят Маастрихтский договор о создании единой Европы.

Однако даже эти центроостремительные тенденции в Западной Европе и внушительный рывок объединенной Европы в экономическом развитии не смогли преодолеть основную при-

чину сепаратистских тенденций в благополучной Европе – неравномерность социально-экономического развития регионов. Это неравенство создает благодатную почву для образования некоего круга «богатых» провинций, не желающих «кормить» бедные регионы своих стран (Каталония и Страна Басков в Испании, Шотландия в Великобритании, Падания в Италии, Фландрия в Бельгии). По другую сторону баррикад оказываются депрессивные регионы, обвиняющие «сытые» районы во всех своих бедах (Северная Ирландия в Соединенном Королевстве, Корсика во Франции, Галисия в Испании).

В последнее время произошли разительные сдвиги в процессе регионализации и автономизации в странах Западной Европы. Даже самые оптимистичные прогнозисты 80-х годов XX в. не могли предположить, что Италия и Бельгия станут федерациями, а Испания, формально оставаясь унитарным государством, войдет в группу наиболее децентрализованных стран мира. Тем не менее даже такие перемены не изживают сепаратистского духа из многих политических деклараций.

Интересен в этом отношении пример Бельгии. Страна, образованная в 1831 году, долгое время пыталась не замечать этнолингвистической разницы двух своих наиболее крупных регионов. Даже принятие в 1929 г. фламандским языком статуса второго государственного не привело к фиксации политического внимания на культурных различиях Валлонии и Фландрии. Только революционные 60-е гг. XX в. изменили ситуацию. Уже наметившееся экономическое превосходство фламандских районов привело к изменению позиции бельгийского политического истеблишмента по отношению к идее федерализма.

В начале 70-х годов XX в. происходит институционализация федералистских идей: в декабре 1970-го года региональный принцип, в соответствии с которым регионы как единицы, отражавшие этнический аспект государства, составляли основу новой государственной организации, получает выражение на конституционном уровне. В 1971-м году постепенно вводится региональное самоуправление в решении большинства экономических и культурных вопросов. На протяжении 80-х годов в Бельгии принимается ряд поправок к Конституции, различных актов, приведших к созданию двух региональных ассамблей, состоящих из существующих членов национального парламента от избирательных округов в соответствующих регионах. И, нако-

нец, 17 февраля 1994 г. принимается новая редакция Конституции, в первой главе (части) которой говорится: «Бельгия является федерацией, состоящей из сообществ и регионов» [1].

Федеративное устройство Бельгии базируется на территориально-языковом принципе: страна включает в себя три региона (Фландрия, Валлония и Брюссель), три сообщества (фламандское, французское и немецкоязычное) и четыре языковые зоны (двуязычный Брюссель, а также зоны голландского, французского и немецкого языков). Регионы и сообщества осуществляют управление в рамках своей компетенции; федеральное правительство обладает полномочиями лишь в тех областях, которые явно указаны в конституции.

Однако интеграционная эйфория 90-х годов XX в. сменилась автономистским скепсисом и перманентным политическим кризисом 2000-х: в 2007 г. после парламентских выборов партии либералов и христианских социалистов так и не смогли создать федеральное правительство. Фламандские партии, выступающие за расширение автономных прав регионов, не могли договориться с валлонскими франкофонными партиями, выступавшими за укрепление бельгийского единства.

Еще более тяжелым оказался политический кризис 2010 г.: после выборов в течение 14 с половиной месяцев в стране не было правительства. Причиной кризиса вновь стали вопросы автономизации фламандского региона – фламандская партия «Новый фламандский альянс», стоящая на принципах конфедерализации страны, категорически отказывалась сотрудничать с партиями валлонского блока. В мае 2014 г. были проведены новые парламентские выборы, результаты которых вновь подтвердили разделение Бельгии по языковому принципу: симпатии избирателей делятся почти поровну между представителями местных партий. Лишь в октябре 2014 г. лидеру франкофонной партии «Реформистское движение» Шарлю Мишелю удалось создать коалиционное правительство, в которое вошли 3 фламандские партии и франкофонное «Реформистское движение».

Процесс федерализации, по мнению многих исследователей, все же не завершен. Причем, мнения о конечной цели этого процесса кардинально расходятся: если фламандская часть общества предполагает создание независимой Фландрии и, таким образом, развала Бельгии, то валлоны категорически настроены против пересмотра нынешнего федерального статуса и

тем более обсуждения проблемы создания конфедерации. Хотя следует оговориться: при всех сепаратистских настроениях, господствующих в высших кругах фламандского политического сообщества, фламандцы стараются следовать духу Маастрихта: они предлагают существование независимой Фландрии в рамках единой Европы и трансформацию существующего ныне объединения Бенилюкс в Фланвалнилюкс – Фландрия, Валлония, Нидерланды и Люксембург. [2] Тем не менее с большой долей уверенности можно говорить лишь об одном: в случае победы идей фламандского национализма королевство Бельгия перестанет существовать, и шутка о том, что король является единственным бельгийцем в стране фламандцев и валлонов, перестанет быть таковой.

В духе бельгийских языковых общин предпочитает действовать и Каталония, один из 17 автономных регионов Испании. Борьба каталонцев за независимость началась еще в позапрошлом веке, и была она на первых порах более ожесточенной, чем борьба за независимость басков. Но впоследствии каталонское национальное движение стало мирными средствами добиваться поставленной цели. Отказ от использования террористических средств борьбы вовсе не снижает эффективности самого процесса завоевания все большей автономии в рамках испанского государства (компетенций в налоговой сфере, здравоохранении, образовании у Каталонии даже больше, чем у мятежной Басконии). Напротив, именно каталонцами несколько лет назад был поставлен перед правительством Х.Л.Р. Сапатеро вопрос о внесении в конституцию изменений, связанных с определением понятия «нация». Заключенное в 2006 г. соглашение между Х.Л.Р. Сапатеро, тогдашним премьером страны, и А. Масом, лидером блока «Конвергенция и союз», значительно расширило права каталонцев: они признаны отдельной нацией (хотя по конституции в Испании одна нация – испанцы), кроме того, им даны права распоряжаться всеми местными налогами и половиной центральных налогов, собранных в провинции.

Кстати, многие каталонские националисты относятся позитивно к формуле «Европа регионов». Они предполагают создание т.н. «Великой Каталонии» по принципу географического распространения каталонского языка и, произвольно включая в нее территории южной Франции, Андорры, Балеарских островов, автономного сообщества Валенсия [3], считают вполне реальным вхождение нового образова-

ния на правах самостоятельного государства в Европейский Союз. Хотя многие эксперты сходятся во мнении, что при выходе Каталонии из состава Испании, первой придется заново вступать в Европейский Союз, что, заметим особо, сразу снижает количество сторонников сецессии на 7-10% [4].

Следует отметить, что опыт постепенных реформ оказался куда более эффективным, нежели силовое противостояние. Поворотным в этом смысле стал 2012 г., когда в результате региональных выборов большинство в парламенте автономии составили сторонники независимости. Именно тогда была провозглашена Декларация о суверенитете, конечно, непризнанная Мадридом, но свято чтимая в Барселоне. Проводимые 11 сентября в День Каталонии акции становятся все более многочисленными. Связано это не только с национальными чувствами каталонцев, которых из семи с половиной миллионов жителей автономии около 60%, но и с прагматическим желанием самостоятельно решать экономические проблемы, преследующие Испанию с самого начала мирового кризиса. И дело даже не в том, что Каталония является наиболее экономически развитой областью Испании и, как заявляют сецессионисты, и направляет Мадриду слишком большую часть налоговых отчислений (при этом у нее самый высокий внутренний долг), а в том, что, самоорганизовавшись, Каталония сможет отказаться от политики жесткой экономии, которую проводит не первый год правительство Мариано Рахоя и которой яростно сопротивляются все испанцы. А главным шагом к объявлению независимости автономии стало решение парламента Каталонии 23 января 2013 г. о проведении референдума по этому вопросу 9 ноября 2014 г.

Осенью 2013 г. премьер-министр Испании М. Рахой в ответ на запрос главы автономии А. Маса о проведении референдума в официальном послании ответил отказом. О неконституционности такого шага в марте 2014 г. заявил Конституционный суд Испании. По Конституции Испания является унитарным государством, соответственно, решать судьбу государства один регион, на который приходится 16% жителей, не имеет права. Несмотря на негативный настрой центральных властей, юридически ни к чему не обязывающий опрос о судьбе Каталонии все же был проведен, как и намечалось, 9 ноября 2014 г. Такие опросы в Каталонии проводились уже не раз, но на фоне только что прошедшего референдума в Шотландии, трагических собы-

тий в Восточной Европе (Украина), к опросу было привлечено всеобщее внимание. По результатам его, более 80% участвовавших в голосовании (при явке в 37%), а это более полутора миллионов человек, ответили положительно на вопрос «Хотите ли Вы, чтобы Каталония стала государством?», и если да, «Хотите ли Вы, чтобы это государство было независимым?» [5].

Учитывая неофициальный статус опроса, юридических последствий для автономии никаких не последовало. Мечта о независимости для каталонцев откладывается на неопределенный срок. Несмотря на призывы главы автономии к М. Рахою пойти по пути Д. Кэмерона и дать разрешение провести официальный референдум, испанское правительство четко придерживается давно взятой принципиальной политической позиции не потворствовать сепаратистским настроениям как внутри страны, так и на мировой арене. Именно поэтому Испания не признала независимость Косово, хотя почти все страны ЕС это сделали, и не признает ряд других самопровозглашенных государств. Пока реальным юридическим последствием референдума стало расследование против А. Маса и двух его ближайших соратников, инициированное Верховным судом Каталонии по заявлению испанской прокуратуры. Политики обвиняются в гражданском неповиновении, злоупотреблении служебным положением и растрате бюджетных средств [6].

Итак, подводя итоги нашего небольшого и далеко не полного исследования, следует ответить, что Европа в последние годы во многом преодолела негативистское отношение к проблеме самоопределения национальных меньшинств. Способствовало этому, в первую очередь, формирование нового представления о будущем Европейского Союза, а также отказ наиболее одиозных борцов за независимость своего региона от вооруженной практики борьбы. Принятая Евросоюзом Хартия о языках национальных меньшинств и регионов способствовала возрождению многих малоиспользуемых языков и более широкому использованию языков национальных меньшинств в регионах их распространения.

Все же надо сказать, что единства в рядах исследователей относительно будущего существования национальных меньшинств в рамках Евросоюза не наблюдается. Схематично можно разделить специалистов по проблеме национальных меньшинств в Евросоюзе на оптимистов и скептиков. Оптимисты считают, что

дальнейшее развитие Европы регионов (первой ступенью этой эволюции они считают процесс федерализации, уже начавшийся во многих странах ЕС) приведет к стиранию границ между государствами, исчезновению государств – наций и сведет проблему обретения государственной независимости на нет: какой смысл бороться за государственный (читай территориальный) суверенитет, если регион все равно пребывает в рамках еще большего государства – Евросоюза? Тем более, что на данный момент ни баскские и корсиканские сепаратисты, ни ольстерские и фламандские ирредентисты, отрицающие свою испанскую, французскую, британскую, бельгийскую идентичность, ничего не имеют против того, чтобы их считали европейцами. Еще один момент, приводимый еврооптимистами в подтверждение своей идеи – в объединенной процветающей Европе станут менее ощутимыми контрасты между богатыми и бедными, развитыми и отсталыми регионами. А значит, меньше останется и экономических поводов для недовольства жизнью, питающего националистический радикализм.

Скептики полагают, что будущее Европы регионов вовсе не так безоблачно, как представляют себе еврооптимисты. Одно дело – считать себя европейцем в культурно-цивилизационном смысле, что и приятно, и ни к чему не обязывает, и совсем другое – быть гражданином четырехсотмиллионной сверхдержавы, в рамках которой баскская, бретонская и любая другая этническая идентичность может оказаться еще менее значимой и заметной, чем в той же Испании или Франции. Тем более, что ни Испанию, ни Францию как территориально-политические структуры упразднить в будущей Европе никто не собирается – они в самом худшем для их суверенитета случае превратятся внутри Евросоюза в «автономии первого уровня». А занимающие сейчас этот уровень внутри своих государств Страна Басков, Корсика, Шотландия и т.д. перейдут в разряд «автономий второго уровня», то есть понизят свой статус. Оказавшись в таком положении, нынешние борцы за национальное самоопределение перенаправят, по мнению евроскептиков, свою разрушительную энергию в сторону Брюсселя и будут бороться уже не против французского, испанского, британского (национального) империализма, а против империализма европейского.

Представленные регионы не исчерпывают всю географию автономистских настроений в Европе. Это оставляет простор для будущих исследований.

Литература

- 1 Конституция Бельгии // [http://www.senate.be/deutsch/const_de.html]
- 2 Federal portal. Elections. May 25, 2014: [http://polling2014.belgium.be/en/cha/results/results_tab_CKR00000.html]
- 3 Ормонбеков Ж. Бельгийская модель федерализма: особенности и перспективы // Казанский федералист. – 2004. – №1(9):[<http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/10/>]; Кристоферсен И. Федерализация вряд ли приведет к усилению сепаратизма // Газета Зеркало недели. Украина: [http://gazeta.zn.ua/POLITICS/ingeborg_kristofersen_federalizatsiya_vryad_li_privedet_k_usileniyu_separatizma.html], 1995_15_7
- 4 Аникеева Н, Капитонова Н. Референдум в Шотландии и сепаратизм в Каталонии // Эксперты МГИМО: [<http://www.mgimo.ru/news/experts/document259854.phtml>]
- 5 Клементьева Л. 80,72% каталонцев высказались за независимость региона // Газета Ведомости: [<http://www.vedomosti.ru/politics/news/35731991/8072-kataloncev-vyskazalis-za-nezavisimost#ixzz3Iec1f36a>], 2014_10_11.
- 6 <http://www.dw.de/в-испани-начато-следствие-из-за-референдума-об-отделении-каталонии/a-18147167>. 22.12.2014.
- 7 Волкова Г.И. Баскский терроризм и политика регионального автономизма в Испании //Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №2. – С.93-97.
- 8 Черкасова Е. Страна басков: терроризм или борьба за самоопределение // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №10. – С. 84.

References

- 1 Die Verfassung Belgiens // Belgian Senate. [http://www.senate.be/deutsch/const_de.html]
- 2 Federal portal. Elections. May 25, 2014: [http://polling2014.belgium.be/en/cha/results/results_tab_CKR00000.html]
- 3 Ormonbekov Zh. Belgijskaya model federalizma: osobennosti i perspektivy // Kazanskiy federalist. – 2004. – №1 (9):[<http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/10/>]; Kristofersen I. Federalisatsiya vryad li privedet k usileniyu separatizma // Gazeta Zerkalo nedeli. Ukraina:[http://gazeta.zn.ua/POLITICS/ingeborg_kristofersen_federalizatsiya_vryad_li_privedet_k_usileniyu_separatizma.html], 1995_15_7
- 4 Anikeeva N., Kapitonova N. Referendum v Shotlandii i separatizm v Katalonii // Eksperty MGIMO: [<http://www.mgimo.ru/news/experts/document259854.phtml>]
- 5 Klementyeva L. 80,72% kataloncev vyskasalis za nezavisimost regiona // Gazeta Vedomosti: [<http://www.vedomosti.ru/politics/news/35731991/8072-kataloncev-vyskazalis-za-nezavisimost#ixzz3Iec1f36a>], 2014_10_11.
- 6 <http://www.dw.de/в-испани-начато-следствие-из-за-референдума-об-отделении-каталонии/a-18147167>. 22.12.2014.
- 7 Volkova G.I. Baskskiy terrorizm i politika regionalnogo avtonomisma v Ispanii // MEMO. – 2002. – №2. – S.93-97.
- 8 Cherkasova E. Strana baskov: terrorizm ili borba za samoopredeleniye // MEMO. – 2002. – №10. – S. 84.